

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В БРЯНСКЕ

Чугунова Светлана Александровна

Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского
Брянск, Россия

Аннотация

Статья представляет собой обзор основных направлений психолингвистических исследований, которые проводятся преподавателями иностранных языков Брянского государственного университета им. И.Г. Петровского. В основном эти изыскания сосредоточены на специфике речемыслительной деятельности индивида в условиях учебного двуязычия, но охватывают также изучение медиативной роли мысленного образа в процессах понимания и перевода художественного текста, темпоральной семантики и темпорального опыта в разных лингвокультурах. Проводятся исследования усвоения лексики иностранного языка с учетом влияния психологических факторов, овладения Я2 в условиях учебного двуязычия, усвоения и функционирования нового иноязычного слова в индивидуальном лексиконе. Еще одно направление деятельности брянских психолингвистов связано с проблемами перевода.

Ключевые слова: психолингвистический подход, психолингвистика в Брянске, учебное двуязычие

Введение

Основную группу психолингвистов в Брянске составляют преподаватели иностранных языков Брянского государственного университета имени акад. И.Г. Петровского, что во многом определяет специфику проводимых исследований. Объектом большинства из них является речемыслительная деятельность индивида в условиях учебного двуязычия.

Начало психолингвистическому направлению в лингвистических исследованиях на базе Брянского госуниверситета было положено кандидатской диссертацией С.А. Чугуновой «Образ ситуации как медиатор процессов понимания художественного текста» [2001], выполненной под научным руководством А.А. Залевской при Тверском государственном университете. Затем, при содействии на тот момент декана факультета иностранных языков Брянского госуниверситета, доцента Л.А. Чеславской, в планы учебных курсов был введен спецкурс по психолингвистике, который и поныне читается студентам факультета. Несколько позже на кафедре теории английского языка и переводоведения была открыта аспирантура по специальности 10.02.19 – теория языка, и первый аспирантский опыт был связан именно с психолингвистическим направлением.

Брянские психолингвисты, чей вклад в науку еще очень мал и очень скромный, тем не менее, гордятся тем, что психолингвистика в их регионе берет истоки в трудах выдающегося ученого А.А. Залевской и ее учеников. Как отмечает В.А. Пищальникова

[2021: 98], Тверская психолингвистическая школа, созданная и долгие годы руководимая Александрой Александровной, занимает особое место в современной отечественной психолингвистике: в ее рамках были созданы фундаментальные теоретически обоснованные и экспериментально подтвержденные «концепции психолингвистического значения слова, позволившие существенно продвинуть вперед методологию психолингвистики», принципы которой были заложены еще в трудах А.А. Леонтьева. Несмотря на определенное разнообразие тем научных работ брянских психолингвистов, все они опираются на идеи, теории и концепции А.А. Залевской [1977; 1982; 1988; 1990; 1992; 2001; 2005; 2007; 2011; 2014; 2015; 2016]: о проблемах организации внутреннего лексикона человека; об информационном тезаурусе человека как базе речемыслительной деятельности; о разграничении индивидуального и коллективного знания; о концепте как достоянии индивида; о роли слова как средства доступа к единой информационной базе человека; о естественном семиозисе и о функционировании «живого слова»; о роли тела и эмоций в процессах означивания; о национально-культурной специфике картины мира; о понятии проекции текста; о роли слова в понимании текста; о внутреннем контексте как сложной системе связей и отношений по линиям перцептивного, когнитивного, аффективного, вербального и невербального, осознанного и неосознанного опыта индивида; об учебном двуязычии; об интерфейсной трактовке значения слова и другом.

Медиативная роль мысленного образа в процессах понимания и перевода художественного текста

Медиативная роль мысленного образа в процессах понимания и перевода художественного текста исследуется в работах С.А. Чугуновой и А.Г. Шипулина.

Как известно, мысленный образ, который также часто называют ментальным или вторичным, или просто «образом», противопоставляя образу непосредственного восприятия (перцепту), считается одним из способов отображения действительности в сознании человека. Вопрос о хранении, переработке и воспроизведении образной информации в памяти и ее взаимодействии с вербальной модальностью остается одним из самых сложных и противоречивых в мировой когнитивной науке, особенно это касается западных парадигм. Так, одни специалисты полагают, что вся перцептивная информация хранится в памяти индивида в виде структур, функционально изоморфных исходным (Б. Бугельски, Р. Солсо, Р. Шепард, С. Косслин). Словоформы хранятся вместе с субъективными впечатлениями от внешнего мира и оценками, и восприятие языкового знака неизбежно приводит к воспроизведению в сознании первичного зрительного и эмоционального впечатления в виде субъективного образа объективного мира. Другие авторы считают, что образная информация сохраняется в образном (конкретном) коде, а вербальная – в вербальном (абстрактном) коде (А. Пайвио, Л. Брукс), обе системы сравнительно независимы друг от друга. Лишь на референциональном уровне проявляется их взаимосвязь, примером которой могут служить высокообразные слова: при их предъявлении в сознании легко реактивируются ассоциируемые с ними мысленные образы. В трактовке третьей группы исследователей образная информация сохраняется в памяти в виде абстрактных, логико-символических переменных и констант [Гостев 1992]: это могут быть амодальные пропозиции (Дж. Андерсон, Г. Бауэр, З. Пылишин) или пространственные структуры вроде абстрактных моделей, схем, планов, карт, рамок и т.д., которые управляют и перцепцией, и формированием мысленных образов в качестве своего рода ментальных картин, и пониманием

вербальной информации (Э. Толмен, М. Минский, Ф. Джонсон-Лэйрд, Р. Зваан) [Чугунова 2006: 33–34].

На самом деле между этими подходами нет непреодолимой стены. Так, ряд приверженцев пропозициональных символьных теорий сознания (например, Ф. Джонсон-Лэйрд) все же считают необходимым включить в свои теории аналоговые репрезентации, приходя к выводу, что содержание дискурса может присутствовать в сознании как в пропозициональной форме, подобной его языковому выражению, так и в виде иконической ментальной модели, функционально изоморфной описываемому объекту [Шипулин 2023а: 19–20]. Более того, часть сторонников первой («квази-картиночной») точки зрения разделяют с дескриптивистами, выразителями третьей точки зрения, идею вычислительного (computational) ментализма, лежащую в основе компьютерной метафоры человеческого ума. Помнению Н. Томаса [Thomas 1999], образы, или квази-картинки, в экспериментах С. Косслина – это поверхностные репрезентации, представленные в виде заполненных ячеек матрицы на дисплее компьютера, каждая из которых может содержать множественные символы, репрезентирующие разного рода качественные характеристики образа в его определенной точке. Очевидно, что в реальности мысленный образ – это не компьютерный дисплей с изображением; скорее, он будет напоминать скрытую матричную репрезентацию в компьютерной памяти в виде электронных состояний в RAM чипах [Чугунова 2004].

В отличие от западных подходов к формату образных репрезентаций в памяти человека в отечественной науке всегда, несмотря на заметное в последнее время влияние компьютерной парадигмы, оставалась в силе позиция, что «любой образ, даже связанный с самой абстрактной идеей, всегда воплощен в чувственном материале, его всегда “исполняет” целый ансамбль осознаваемых и неосознаваемых телесных движений и чувствований» [Василюк 1993: 16]. Этим подчеркивается единая интегративная сущность единиц памяти и, следовательно, ментальных репрезентаций (А.Н. Леонтьев, Ф.Е. Василюк, А.А. Залевская, Н.В. Рафикова (Мохамед)) [Чугунова 2006: 34].

Справедливости ради необходимо заметить, что не все западные ученые ратуют за идею вычислительного ментализма, хотя не отрицают, что исследуемые ими процессы могут быть смоделированы с помощью компьютерной системы [Чугунова 2004]. Кроме того, нельзя забывать, что, начиная с 1970-х гг., западная наука все больше проникается идеей, согласно которой в основе понимания вербальной информации лежит переживание описываемой ее средствами реальной ситуации. Постепенно на арену выходит корпореальный, или телесный, подход (embodied cognition), согласно которому существует, по всей видимости, когнитивный механизм (perceptual simulation [Barsalou 1999]), который поддерживает не только восприятие, целенаправленные ситуативные действия, но и ситуации, связанные с абстрактным мышлением и, в частности, с пониманием речи: слова активизируют участки мозга, рядоположенные или пересекающиеся с участками, активными во время перцепции объектов – референтов слов или действий с ними. Когда мы воспринимаем какую-либо фразу, например, Открой дверь!, в работу включаются те же системы мозга – перцептуальная, моторная и эмоциональная, что и при выполнении самого действия. Еще недавно западная наука считала человека рациональным существом, чья ментальность во многом превосходит его телесную организацию; ум трактовался как абстрактное, рациональное, лишенное эмоций устройство, способное полностью

отображать внешний мир, а язык – как логическая система символов, которая, будучи частью ума, овнешняет абстрактные концепты и определяет их в терминах окружающей действительности. Сегодня из результатов экспериментальных исследований (А. Гленберг, М. Кашак, Э. Лофтус, Дж. Палмер и другие) уже понятно, что мышление осуществляется теми же нейронными структурами, что и зрительное восприятие, двигательная активность и эмоциональные состояния организма. Язык наполняется смыслом благодаря участию сенсомоторной и эмоциональной систем – так, по меткому выражению Дж. Лакоффа, «философия питается физиологией» [Чугунова 2015].

С целью проверки гипотезы, что понимание художественного текста обеспечивается опорой на мысленный образ, причем независимо от языка текста – родного (далее – Я1) или иностранного (далее – Я2), С.А. Чугуновой в свое время был подготовлен и проведен психолингвистический эксперимент, в первой серии которого испытуемые (студенты факультета иностранных языков Брянского госуниверситета – БГУ) были разделены на группы. Одна группа работала с оригинальным текстом на Я2, а вторая – с его переводом на Я1, о чем участникам эксперимента сказано не было. Испытуемые (далее – ии.) не знали, что текст представлял собой относительно законченный по смыслу отрывок из романа «Jane Eyre» Ш. Бронте, причем он был подобран таким образом, что никаких имен или сколько-нибудь примечательных событий в нем не упоминалось. К тексту на Я2 прилагался минимальный список слов, незнание которых могло затруднить его понимание. Перед обеими группами ставилась задача прочесть и понять текст. Эксперимент проводился очно, студенты не имели возможности ни общаться между собой, ни пользоваться словарями (портативных электронных устройств тогда не существовало). Еще две группы ии. получили все то же самое, но перед ними стояла дополнительная задача – зрительно представить описанную в тексте ситуацию и записать как можно подробнее свои мысленные представления. После этого во всех четырех группах демонстрировались выполненные в цвете профессиональным художником картинки, которые воспроизводили описанную в тексте ситуацию, и ии. должны были письменно указать, используя знаки «+» или «-», представляли ли они нечто подобное, когда читали текст, или нет [Чугунова 2006: 65–66].

В результате подтвердилась гипотеза о том, что процессы смыслопонимания, основанные на идентификации референта, носят предметно-чувственный, перцептивный и большей частью зрительный характер. Тот факт, что ии., не получившие инструкции о представлении описанной в тексте ситуации, потом «узнавали» предъявленные им рисунки, составленные на основе языкового контекста, свидетельствует в пользу такого предположения. Кроме того, результаты эксперимента входят в противоречие с научными подходами, согласно которым мысленный образ включает только продукты сознательной рефлексии над разносторонним опытом взаимодействия индивида с миром, что существенно обедняет понимание этого психического феномена, сводя его к мысленной «картинке». Мысленный образ – это не «картинка», его следует понимать как сложную подвижную разномодальную и многоуровневую систему, в которой чувственные и рациональные, вербальные и невербальные, осознаваемые и неосознаваемые компоненты синтезируются в единый дискретно-континуальный «сплав», причем в силу различающегося внутреннего контекста в каждый конкретный момент могут превалировать разные составляющие образа, но никогда ни один из уровней не выступает сам по себе. Однако первичным все же следует считать предметно-чувственный компонент,

связанный с физическими признаками описанной в тексте и переживаемой во время чтения и понимания ситуации [цит. раб.: 74].

В диссертационном исследовании А.Г. Шипулина [2023а], посвященном деятельностному аспекту письменного перевода, проверялась гипотеза о прямой корреляции между индивидуальной предрасположенностью к когнитивной обработке информации при помощи мысленных, или вторичных, образов и склонностью к поиску более подходящих вариантов перевода при рассогласовании ряда формальных межъязыковых соответствий с интегративным образом действительности, описываемой в тексте.

На первом этапе эксперимента у студентов факультета иностранных языков БГУ, в числе которых были и будущие переводчики, проводилась диагностика индивидуальных особенностей использования различных стратегий в процессе когнитивной обработки информации с помощью «Опросника предметного и пространственного воображения и вербальных способностей» [Blazhenkova & Kozhevnikov 2009]. Поскольку мысленный образ представляет собой сложное и многогранное явление, исследование вынужденно ограничилось наиболее базовыми его характеристиками, а именно предметно-чувственным компонентом с превалированием зрительной модальности. В отношении способности к мысленной визуализации можно говорить о существовании образов двух типов: предметных и пространственных. Предметные образы представляют собой иконические, аналоговые репрезентации предметов и сцен, а пространственные – более схематичные репрезентации, сконцентрированные на пространственных отношениях. Эта концепция подтверждается нейронаучными исследованиями мозга, согласно которым обработка различных аспектов визуальной информации происходит при помощи двух различных нейронных путей. Как ясно из названия опросника, диагностировались склонность ии. к предметному или пространственному воображению и их вербальные способности [Шипулин 2023б: 9–10].

На втором этапе эксперимента ии. письменно переводили с Я2 на Я1 отрывок из романа Ф. Томсон (F. Thompson) “Still Glides the Stream”, который до этого не переводился на русский язык. Ии. могли пользоваться словарями и любыми справочными ресурсами, включая интернет-ресурсы, как это бывает при обычной работе письменного переводчика. Выбор отрывка был продиктован тем, что это относительно законченный по смыслу фрагмент, не требующий для понимания знакомства со всем текстом романа; кроме того, он стимулирует образное воображение, так как содержит достаточно много объектов и персонажей (*village, fields, hedgerows, houses, garden flowers, children, ducks, little girls* и т.д.), разнообразные характеристики живых и неживых объектов (например, *a long, straggling place, a honeysuckle-covered porch; a pink or yellow washed front*), описания их пространственного расположения и движения (*standing singly and in groups on both sides of a country byway with fields and hedgerows between; from the top of his load* и т.д.), фрагменты прямой и косвенной речи [цит. раб.: 11–12].

Анализ полученных от 90 ии. переводов включал подсчет вариантов, соответствующих логике и смыслу всего отрывка, и вариантов, нарушающих смысл и логику текста, таких как буквализмы, наиболее частотные, но контекстуально неподходящие значения, неудачное копирование синтаксической структуры, неадекватные трансформации, условно адекватные трансформации, т.е. соответствующие логике переводного текста, но не смыслу оригинала. Для каждого

испытуемого была подсчитана процентная доля адекватно и неадекватно переведенных вариантов. Очевидные варианты перевода, использованные всеми или почти всеми ии., не учитывались. Далее результаты второго этапа эксперимента сопоставлялись с результатами первого этапа.

В итоге гипотеза исследования подтвердилась. Был сделан вывод, что при переводе художественного текста высокий уровень склонности переводчика к построению предметных образов проявляется в значительно большем использовании им адекватных вариантов перевода и адекватных смысловых трансформаций, порой значительно отступающих от тривиальных межъязыковых соответствий. Роль пространственных образов для нахождения адекватных решений не столь велика, однако, чем выше у индивида способность к пространственному воображению, тем меньше логических ошибок наблюдается в его переводах. Любопытно, что роль вербальных способностей в случае с художественным переводом оказалась незначительной по сравнению со способностью к построению мысленных образов. Это согласуется с данными когнитивной науки ([Barsalou 1999; 2009]), свидетельствующими о том, что когнитивная обработка информации на уровне только вербальной системы не связана с получением глубоких концептуальных знаний, которые возникают в процессе ситуативной симуляции – переживания мультимодального опыта взаимодействия индивида с окружающим миром [Шипулин 2023а: 108–110; 2023в].

Исследование темпоральной семантики и темпорального опыта в разных лингвокультурах

Темпоральная семантика фразеологических единиц и концептуализация времени в разных лингвокультурах составляют предмет научных изысканий Ж.П. Залипаевой и С.А. Чугуновой.

При современном взгляде на природу как на единое целое подлинная сущность времени может быть постигнута лишь в результате анализа сложнейших отношений между присутствием человека в мире и пониманием сути его бытия. Человек превращается в неустрашимого участника всех процессов, в первичную сетку координат, а на смену вычислительному подходу в изучении мышления, сознания, памяти и их свойств приходит корпоральный (телесный) подход. От проблемы поиска универсальных часов наука переходит к проблемам концептуализации времени как иерархии различных, но глубоко взаимосвязанных номинаций отрезков времени [Чугунова 2009; 2012].

В исследовании С.А. Чугуновой категория времени рассматривается с позиций областей знания, в которых время является центральным понятием, в историческом ключе и в свете сегодняшней интеграции наук. Предпринимается попытка подойти к проблеме субъективного времени с опорой на идеи известных философов, начиная с трансцендентального учения И. Канта и заканчивая биологией познания У. Матураны. Освящаются различные подходы к концептуализации времени у человека, прежде всего, через факты языка, поскольку считается, что вторая сигнальная система и все, что с ней связано, служит надежным «окном» в концептуальную систему мышления индивида. Темпоральность исследуется в непосредственной связи с корпоральным опытом движения, восприятия и как нейрокогнитивный процесс. Поднимаются вопросы о механизмах концептуальной интеграции, моделирования структуры темпоральных концептов, выявления критериев их выделения. Затрагивается вопрос о соотношении языковой картины мира и национального образа мира,

включая вопрос о языковой относительности индивидуального мировосприятия. Обращается внимание на проблему переработки темпоральной информации на уровне понимания повествовательного текста и той роли, которую играет темпоральный аспект образа содержания текста в построении его связной проекции. Проводится обзор экспериментальных исследований темпоральных когнитивных моделей и темпоральных перспектив с привлечением фактов из разных языков, демонстрирующих многообразное преломление пространственных, а по сути корпоральных отношений в темпоральной семантике. Анализируются результаты собственного многоэтапного психолингвистического эксперимента, нацеленного на выявление специфики концептуализации времени в сознании и подсознании русских реципиентов через понимание ими языковых темпоральных выражений, построенных на метафоре движения [цит. раб.].

В центре исследования Ж.П. Залипаевой [2020] находятся особенности функционирования идиоматических выражений с темпоральной семантикой в индивидуальном лексиконе носителей французского и русского языков и билингвов в условиях учебного двуязычия, изучающих французский язык в качестве Я2.

В экспериментальной части исследования с помощью психолингвистических методов – свободного ассоциативного эксперимента и метода субъективного дефинирования с элементами шкалирования – проверялась гипотеза о том, что специфика функционирования идиоматических выражений с темпоральной семантикой в ментальном лексиконе индивида определяется: а) семантической структурой идиомы, б) степенью разложимости идиоматического значения, в) уровнем владения Я2, г) лингвокультурными и другими экстралингвистическими факторами влияния.

Отбор идиоматического материала производился в соответствии с предложенной в работе классификацией устойчивых сочетаний исходя из структуры темпоральной семантики:

1) идиомы со значением времени, включающие в свой состав темпоральные лексемы: например, *cinq minutes!* ‘подождите немного’ (букв. пять минут), *il y a depuis belle lurette* ‘давным-давно’ (букв. с давних пор, с давних времен), *бабье лето, в мгновение ока*;

2) идиомы со значением времени, не содержащие в своем составе темпоральных лексем: например, *entre chien et loup* ‘в сумерках’ (букв. между собакой и волком), *coiffer sainte Catherine* ‘остаться старой девой / засидеться в девках’ (букв. причесывать святую Катерину), *молоко на губах не обсохло* ‘кто-либо совсем еще молод и неопытен’, *смотреть удочки*;

3) идиомы, включающие в свой состав темпоральные лексемы, но не обладающие темпоральной семантикой в целом: например, *jour de souffrance* ‘оконный проем для освещения’ (букв. день страданий), *без пяти минут; семь пятниц на неделе, старый волк*.

В результате двухэтапного эксперимента был сделан ряд важных выводов, в частности о том, что при работе с идиомами на задачу субъективного дефинирования носители французского языка стремятся подобрать идиоматический эквивалент, в то время как билингвы большей частью объясняют значения через свободные словосочетания с опорой на формальные признаки. При условии низкого коэффициента известности и понятности идиомы механизм ее понимания и у билингвов, и у носителей языка приближается к идентификации через буквализацию [цит. раб.].

Исследование усвоения лексики иностранного языка с учетом психологических факторов влияния

Разрабатываемая в последние десятилетия теория усвоения лексики иностранного языка, необходимая как для выявления роли слова в организации и функционировании языковой способности у человека, так и для теоретического обоснования практики преподавания иностранных языков, остается неполной без учета психологических факторов влияния на процесс оперирования иноязычным словом в условиях учебного двуязычия. Одним из таких факторов является так называемая «иноязыковая тревожность» (foreign language anxiety), которая понимается как форма ситуативно-обусловленной тревожности в условиях овладения и использования иностранного языка (Я2) [Андрюшкина 2023а: 41].

Результаты диссертационного исследования Ю.С. Андрюшкиной дополняют научную картину относительно функционирования иноязычного слова в ментальном лексиконе обучающегося билингва через призму используемых им стратегий идентификации слова на Я2 и расширяют представления об изменении структуры ментального лексикона под влиянием психологического фактора иноязыковой тревожности.

На предварительном этапе эмпирического исследования с применением методов анкетирования и шкалирования проводилась диагностика личностной и иноязыковой тревожности у ии. (студентов факультета иностранных языков БГУ) с целью выявления их возможной взаимосвязи. Для этого применялись опросные листы, составленные с опорой на методику Ч.Д. Спилбергера, тест Foreign Language Classroom Anxiety Scale (FLCAS) и вопросник с макро- и микросоциологическими данными. Основной этап эмпирического исследования возможного влияния иноязыковой тревожности на лексическую компетенцию индивида в условиях учебного билингвизма включал в себя три стадии с проведением:

1) той же диагностики с целью дифференциации ии. на группы в соответствии с уровнем иноязыковой тревожности;

2) свободного ассоциативного эксперимента в письменной форме на материале знаменательных лексических единиц, отобранных из Оксфордского словаря в соответствии с системой уровней владения иностранным языком, используемой в Европейском Союзе – Common Reference Levels: A1 и A2, B1 и B2;

3) метода прямого оценивания знания с его методиками:

а) восстановление высказывания;

б) перевод предложений с Я2 на Я1.

В качестве ии. на основном этапе эмпирического исследования выступали студенты факультета иностранных языков, студенты непрофильных факультетов и старшеклассники средней образовательной школы [Андрюшкина 2023а; 2023б].

Статистическая обработка полученных в ходе исследования данных позволила Ю.С. Андрюшкиной сделать ряд важных выводов.

Лексическая компетенция на Я2 у обучающегося билингва, или способность оперировать иноязычным словом во всем многообразии его парадигматических и синтагматических связей и отношений в ментальном лексиконе, является неотъемлемым компонентом всех видов речевой деятельности, сосредоточивая в себе фонетическую, грамматическую, синтаксическую, социокультурную, этнографическую и другие виды информации.

Иноязыковую тревожность следует понимать как ситуативно-специфический психологический барьер, связанный с изучением и использованием Я2 в учебной ситуации и за ее пределами, и рассматривать в качестве континуума, выделяя в нем повышено-аффективный – «дебилитативный», высокий – «продуктивный» и низкий – «инертный» уровни тревожности. К переживанию иноязыковой тревожности склонны не только эмоционально неустойчивые личности, вследствие чего ее нельзя считать проявлением личностной тревожности.

Влияние иноязыковой тревожности на формирование лексической компетенции на Я2 у обучающегося билингва может быть как конструктивным, так и деструктивным, независимо от уровня владения Я2.

Деструктивное влияние иноязыковой тревожности на лексическую компетенцию обучающихся со слабо сформированной компетенцией на Я2 проявляется в угнетении у них знаниевого компонента, что выражается в склонности осуществлять лексический поиск иноязычного слова по формальным признакам или отказаться от лексического поиска. В ассоциативных полях стимулов у таких индивидов преобладают реакции субординативного типа и периферические реакции с неочевидной связью со стимулом. При этом даже у билингвов с недостаточно хорошо сформированной компетенцией на Я2 может наблюдаться позитивное воздействие иноязыковой тревожности на их лексическую компетенцию, что выражается в активизации стратегий идентификации иноязычного слова с опорой на глубинный смысловой уровень.

У билингвов с высоким уровнем владения Я2 иноязыковая тревожность в основном не оказывает заметного деструктивного влияния на функционирование иноязычного слова в ментальном лексиконе, что выражается в использовании ими стратегий доступа к слову на уровне значения посредством актуализации связей между словоформой и единицами глубинного яруса лексикона. Конструктивное влияние иноязыковой тревожности выражается в том, что индивидуальный ментальный лексикон у этих обучающихся характеризуется более сложной структурой, в ассоциативных полях стимулов преобладают синтагматические и парадигматические реакции, представленные не только единичными реакциями, но и ассоциативными цепочками.

Отсутствие иноязыковой тревожности как психологического фактора, активизирующего когнитивные процессы во время речевой деятельности на Я2, может приводить к выбору стратегии ухода от лексического поиска и к упрощению структурных компонентов лексической компетенции у обучающегося билингва, независимо от уровня владения Я2 [цит. раб.].

Другие исследования

Кроме исследования Ю.С. Андрюшкиной, проблема овладения Я2 в условиях учебного двуязычия является центральной и для работ М.В. Шаповалова [2017] и Е.С. Медведевой [2021; 2023], в которых освещаются вопросы преподавания Я2 и вопросы, связанные с динамикой развития промежуточного языка, такие как стратегическая природа грамматической ошибки. С проблемой усвоения и функционирования нового иноязычного слова в индивидуальном лексиконе, с одной стороны, и с темой перевода, с другой, связаны публикации С.А. Чугуновой [2019; 2021].

К попыткам подойти к переводоведческим проблемам с позиции психолингвистического подхода к языку следует отнести, кроме упомянутого

выше исследования А.Г. Шипулина [2023а], такие публикации, как [Чугунова 2017; Chugunova 2021; Чугунова, Трепышко 2016]. Первые две представляют собой опыт сопоставления с помощью метода субъективного шкалирования коммуникативных эффектов, производимых на читателя, – обучающегося билингва – текстом оригинала (далее – ИТ) и текстом перевода (далее – ПТ). Эксперименты проводились в разное время на материале политических лозунгов и рекламных слоганов и преследовали цель подвести эмпирическую базу под обычно не выходящие за рамки теоретических построений рассуждения о необходимости близости коммуникативных эффектов, производимых ИТ и ПТ, как одного из критериев адекватного перевода.

Экспериментальное исследование, описанное в статье [Чугунова, Трепышко 2016], было нацелено на выявление влияния гендерного психотипа переводчика на конечный продукт переводческой деятельности, т.е. текст перевода. Студентам – будущим переводчикам – были предложены для перевода оригинальные отрывки из художественных произведений англоязычных авторов. Предварительно все ии. были протестированы по вопроснику С. Бем [Bem 1974] на предмет их гендерного психотипа. Сопоставление выполненных переводов показало, что гипотеза о влиянии гендерного психотипа переводчика на ПТ находит косвенное подтверждение, но требует дальнейших исследований с привлечением большего числа испытуемых и использованием дополнительных методик и процедур.

© Чугунова С.А., 2024

Литература

Андрюшкина Ю.С. Влияние иноязыковой тревожности на лексическую компетенцию индивида в условиях учебного билингвизма: Дис. ... канд. филол. наук. Брянск, 2023а. 177 с.

Андрюшкина Ю.С. Влияние иноязыковой тревожности на лексическую компетенцию обучающегося билингва. Брянск: Изд-во Брян. гос. ун-та, 2023б. 162 с.

Василюк Ф.Е. Структура образа // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 5–19.

Гостев А.А. Образная сфера человека. М.: Б. и., 1992. 194 с.

Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека. Калинин: КГУ, 1977. 82 с.

Залевская А.А. Психолингвистические проблемы семантики слова. Калинин: КГУ, 1982. 80 с.

Залевская А.А. Понимание текста: Психолингвистический подход. Калинин: КГУ, 1988. 95 с.

Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование. Воронеж: ВГУ, 1990. 204 с.

Залевская А.А. Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1992. 134 с.

Залевская А.А. Текст и его понимание. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 177 с.

Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. 560 с.

Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. 240 с.

Залевская А.А. Интерфейсная теория значения слова: психолингвистический подход. Zalevskaya A.A. Interfacial theory of word meaning: a psycholinguistic approach. London: LASHE, 2014. 180 p.

Залевская А.А. Роль фактора человека в развитии языка // Вопросы психолингвистики. 2015. № 24. С. 64–76.

Залевская А.А. Введение в теорию учебного двуязычия. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2016. 269 с.

Залипаева Ж.П. Специфика функционирования идиоматических выражений с темпоральной семантикой в индивидуальном лексиконе человека: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Брянск, 2020. 24 с.

Медведева Е.С. Грамматическая ошибка и ее роль в процессе изучения иностранного языка // Социальные и гуманитарные науки. Юриспруденция: Материалы Национальной научно-практической конференции ВСГУТУ «Образование и наука». Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2021. С. 127–131.

Медведева Е.С. Психолингвистические особенности устной монологической речи в основной общеобразовательной школе в условиях учебного двуязычия // Языковой дискурс в социальной практике: Сб. науч. Трудов Международной научно-практической конференции. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2023. С. 229–233.

Пищальникова В.А. Направления современной отечественной психолингвистики как следствие расширения предметной области исследования // Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021): Коллективная монография / Научн. ред. И.А. Стернин, Н.В. Уфимцева, Е.Ю. Мягкова. М: Институт языкознания-ММА, 2021. С. 97–108.

Чугунова С.А. Образ ситуации как медиатор процессов понимания художественного текста: Дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2001. 227 с.

Чугунова С.А. Теории образности в когнитивной психологии // Слово и текст: Психолингвистический подход: Сборник научных трудов. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. Вып. 2. С. 160–168.

Чугунова С.А. Мысленный образ ситуации как медиатор понимания художественного текста. Брянск: РИО Брян. гос. ун-та, 2006. 158 с.

Чугунова С.А. «Движение времени» у представителей разных культур. Брянск: РИО Брян. гос. ун-та, «Ладомир», 2009. 240 с.

Чугунова С.А. Время в языке и сознании: Интегративный подход. LAP Lambert Academic Publishing, 2012. 424 с.

Чугунова С.А. «Живое» слово на перекрестке теории и эксперимента в отечественной и зарубежной науке // Вестник Брянского Государственного университета: Педагогика и психология. История. Право. Литературоведение. Языкознание. Экономика. Точные и естественные науки. 2015. № 1. С. 284–287.

Чугунова С.А. Коммуникативный эффект и оценка качества перевода с психолингвистических позиций // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. / под общ. ред. А.А. Залевской. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2017. № 17. С. 81–90.

Чугунова С.А. Неологизмы как достояние индивида (на материале англоязычных неологизмов из сферы моды) // Вопросы психолингвистики. 2019. № 3 (41). С. 64–77.

Чугунова С.А. Перевод английских окказионализмов в условиях учебного двуязычия // Вопросы психолингвистики. 2021. № 4 (50). С. 96–115.

Чугунова С.А., Третьяко Д.В. О возможном влиянии гендера на психотипическое сходство автора и переводчика // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2016. № 2. Пермь: Изд-во Пермского национального исследовательского политехнического университета, 2016. С. 17–25.

Шаповалов М.В. Особенности обучения специальной иноязычной терминологии в условиях искусственного билингвизма: Магистерская диссертация. Брянск, 2017. 102 с.

Шипулин А.Г. Особенности построения вторичных образов при переводе художественных текстов: Дис. ... канд. филол. наук. Брянск, 2023а. 149 с.

Шипулин А.Г. Особенности построения вторичных образов при переводе художественных текстов: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Брянск, 2023б. 23 с.

Шипулин А.Г. Вербальное и образное в переводе: психолингвистический подход // Язык. Образование. Культура: Сб. науч. Трудов по материалам XVII Международной научно-практической электронной конференции, посвященной 88-летию КГМУ и Году педагога и наставника. Том 2. Курск: Изд-во Курского гос. мед. ун-та, 2023в. С. 42–44.

Barsalou L.W. Perceptual symbol systems // Behavioral and Brain Sciences. 1999. Vol. 22. Pp. 577–660.

Barsalou L.W. Simulation, situated conceptualization, and prediction // Philosophical Transactions of the Royal Society of London: Biological Sciences. 2009. Vol. 364. P. 1281–1289.

Bem S.L. The measurement of psychological androgyny // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1974. Vol. 42, № 2. P. 155–162.

Blazhenkova O., Kozhevnikov M. The new object–spatial–verbal cognitive style model: Theory and measurement // Applied Cognitive Psychology. 2009. Vol. 23, № 5. P. 638–663.

Chugunova S. Experimental Approach to Translation Adequacy // L. Scliar, A.M.V. Pinheiro & D.A. Vilhena (Eds.), Books of Abstracts: Online 12th ISAPL International Congress: New perspectives in psycholinguistic research: Language, culture, technologies, June 3-5, 2021. URL: https://isapl2020.org/wp-content/uploads/2021/06/BOOK_OF_ABSTRACTS_2021_06_02.pdf. P. 222–223.

Thomas N.J.T. Are theories of imagery theories of imagination? An active perception approach to conscious mental contact // Cognitive Science. 1999. Vol. 23, № 2. P. 207–245.

Сведения об авторе:

Чугунова Светлана Александровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории английского языка и переводоведения БГУ им. акад. И.Г. Петровского

Контактная информация:

241036, Брянская область, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14.

e-mail: chugunovasvetal@rambler.ru

Для цитирования:

Чугунова С.А. Психолингвистические исследования в Брянске // Вопросы психолингвистики №1(59) 2024, С. 125–137. doi: 10.30982/2077-5911-2024-59-1-125-137

UDC 81'23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2024-59-1-125-137

Research article

**PSYCHOLINGUISTIC RESEARCH
IN BRYANSK**

Svetlana A. Chugunova

Bryansk State University named after acad. I.G. Petrovsky,
Bryansk, Russia

Abstract

The article highlights the history of the development and origins of the psycholinguistic approach at Bryansk State University named after acad. I.G. Petrovsky, as well as research problems. The main scientific object in the works of Bryansk psycholinguists is an individual's verbal and cognitive activity in the context of classroom bilingualism, which is due to the specifics of the Faculty of Foreign Languages, where most research is carried out. The topics of research conducted at different times have been diverse and covered such problems as: the mediative role of a mental image in the processes of comprehending and translating a literary text; features of temporal semantics and temporal experience in different linguistic and cultural environments; the influence of psychological factors on foreign language vocabulary acquisition; the strategic nature of grammatical error in connection with the dynamics of the development of an intermediate language, and others.

Keywords: psycholinguistic research problems, Bryansk psycholinguistics, classroom bilingualism

©Chugunova S.A., 2024

Bionotes:

Svetlana A. Chugunova – Professor at the Chair of the English Language Theory and Translation Studies, Bryansk State University named after acad. I.G. Petrovsky

Contact information:

14 Bezhitskaya Str., Bryansk, Russia
e-mail: chugunovasvetal@rambler.ru

For citation:

Chugunova S.A. Psycholinguistic research in Bryansk // Journal of Psycholinguistics. 1(59), 2024. P. 125–137. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2024-59-1-125-137 (In Russian)